

РУССКИЙ ПРЕДЛОГ *о* С ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ: ВАЛЕНТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ

Главной целью настоящего исследования, которое проводится на материале из относительно небольшого корпуса, является применение специального и малоизвестного метода валентностного анализа. Основная единица в нем – языковой знак, и семантические связи между знаками показаны посредством графов, узлы которых заняты предикатами и актантами. Исследуемые в настоящей статье структуры всегда содержат глагол (или номинализацию глагола). Материал делится на четыре части на основе позиции предложной фразы в графе и характера первого актанта глагола. Некоторые дополнительные замечания касаются факультативных распространений (дополнений или сирконстантов). В заключении статьи критически обсуждаются два традиционных понятия: определение морфемы и разделение частей речи на знаменательные и служебные.

Ключевые слова: предлог *о*, валентность, семантический граф, актантная рамка глагола, флексийный сирконстант

Для цитирования: Лённгрен Л. Русский предлог *о* с винительным падежом: валентностный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проводится на материале из Упсальского корпуса русских текстов, составленного под руководством автора настоящей статьи. Подробное описание корпуса можно найти в построенном на нем частотном словаре [1]. Использование этого ограниченного по объему корпуса (один миллион словоупотреблений) оправдывается его обозримостью и тем, что в настоящей статье делается упор не на полное описание, включая надежные статистические данные, а на семантический (точнее, валентностный) анализ структур, в которых встречается данная языковая единица.

Предлог *о* / *об* / *обо* с винительным падежом представлен в корпусе 117 примерами. Преобладает художественная проза: в ней содержится 103 примера (корпус равномерно разделен между деловой и художественной прозой). Алломорф *об* представлен 10 примерами. Он встречается даже чаще перед согласными, чем перед гласными: *об землю, об пол, об лед, об руку, об елку, об нее, об меня*. Но перед согласными все-таки более нормально употребление алломорфа *о*. Например, в материале *об землю* встречается один раз, *о землю* – шесть. Алломорф *обо* встретился только в одном примере: *Она больно ударилась обо что-то головой*. Как все предлоги, *о* вместе с управляемым существительным или местоимением образует предложную фразу.

Дадим сначала общую характеристику исследуемых здесь конструкций, а затем приступим к валентностному анализу.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В предложной фразе существительное или местоимение в винительном падеже, как правило, обозначает конечную точку перемещения или соприкосновения плюс обязательный физический контакт между этой точкой и перемещаемым объектом. Этот контакт довольно часто бывает внезапным и сильным. Вот типичный пример: *Он споткнулся о корень*. Возможно, конечно, и метафорическое употребление, где физические участники заменены отвлеченными: *О железные аргументы разбивается любая человеческая логика*. Но проводимый в этой работе валентностный анализ опирается по возможности только на первоначальное буквальное толкование всех конструкций, а семантические сдвиги и переносы не обсуждаются. Например, фразеологизм *пальцем о палец не ударить* трактуется так же, как *ударить сапогом о сапог*. Данная предложная фраза выступает как распространение при относительно ограниченном числе глаголов, среди которых преобладают непереходные, означающие события. Во многих случаях в роли движимого объекта выступает человек. Нередко событие отрицательно для этого участника,

даже причиняет вред, например: *Он шел, обжигаясь о крапиву*. Неодушевленный передвигаемый участник иногда деформируется, например: *Капли дождя разбивались о землю*. Зато предмет, обозначаемый существительным предложной фразы, остается без изменения, движение останавливается на его поверхности. Ср. предложения: *Приклад ударил его в плечо* и *Градины ударились о его плечи*. Иногда движение сопровождается каким-нибудь звуком, например: *Струйки зазвенели о ведро*.

Среди глаголов, обозначающих действие, представлены как непереходные, например: *Она оперлась о подоконник*, так и переходные, например: *Она грела руки о стакан*. Существуют и несознательные, непреднамеренные действия: *Бьют о берег морские волны*. Такое действие находим в следующем примере страдательного залога: *Пассажиры могли оказаться расплюснутыми о кабину водителя*. В виде парафразы здесь возможен безличный оборот действительного залога: *Пассажиров могло расплюснуть о кабину*. Кроме предложной фразы, глаголы могут иметь дополнительные распространения. Переходные глаголы обычно сопровождаются прямым дополнением в винительном падеже; ср. приведенный выше пример с глаголом *греть*. Достаточно часто присутствует также распространение в творительном падеже, например: *Он оперся локтями о край стола*. Возможно эллиптическое употребление, с опущенным глаголом, например шутливое *фейсом об тейбл* (пример не из корпуса). Возможна также номинализация, но в корпусе встречаются только два примера, где распространения возвратных глаголов *удариться* и *тереться* превращены в определения: *удар о скалу*, *трение частиц друг о друга*. Третий, более сложный, пример содержит слово *жизнь*; эта структура будет разобрана ниже. Наконец, из материала останется без внимания изолированный пример *Об эту пору интеллигенция ложится*, где имеем дело с устаревшим выражением обстоятельства времени.

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теперь приступаем к валентностному анализу, в котором средством представления служит семантический граф. Речь идет о малоизвестном методе описания, подробно изложенном нами в статье «Размышления о валентности» [3]. В этом подходе проводится последовательное разграничение предикатных и предметных языковых знаков. Только первые обладают валентностью. Важными понятиями являются также

узловой / неузловой статус знака, инкорпорация означающего одного знака в означающее другого и изоморфизм графов, представляющих синонимы и парафразы. Здесь подчеркнем один принцип, упоминаемый в указанной работе только вскользь: избегаем введения имплицитных узлов. Это значит, что в первую очередь нужные означаемые распределяются по сегментным означающим. Несегментный или полностью имплицитный носитель вводится в структуру только в том случае, если другого означающего нет. Один эффект данного принципа заключается в том, что неузловой знак в известном контексте становится узловым. Приведем для сравнения пару, где узловой становится флексия:

<чита>тель книги автор книги[GEN]

Во втором примере флексия [GEN] имеет значение «написать». Ср. также следующую отличающуюся графическим изоморфизмом тройку:

Ваза сделана (из) стекла. ваза из стекла

<стекл>янная ваза

Значение «сделать, изготовить» представлено сначала максимально эксплицитно, глаголом. Во втором примере данное значение выражено менее эксплицитно: приобретшим узловой статус предлогом *из*. В третьем примере носителем того же значения стал еще более неопределенный языковой знак: относительное прилагательное. Узловой статус предикатов *из* и *стеклянный* не изменится, если они в результате дальнейшей деривации попадают в синтаксическую позицию распространения; ср.: *Ваза – из стекла*, *Ваза – стеклянная*. В словоформе *стеклянная* представлены четыре знака, два узловых: морфема *стекл-* и слово *стеклянная*, и два неузловых: морфемы *-яnn-* и *-ая*.

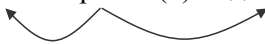
В предложении *Он поедет в Москву в субботу* только первая предложная фраза входит в актантную рамку глагола, вторая – нет. Традиционно здесь различают сильное и слабое управление со стороны глагола (или другого сказуемого). Распространения типа *в Москве* иногда называют сирконстантами. Этот термин будем использовать и мы. В семантическом графе существенная разница между актантом и сирконстантом глагола отражается в том, что в первой фразе предлог имеет неузловой статус, а во второй – узловой:

Он поедет (в) Москву в субботу.

Оба предиката в приведенном предложении имеют два актанта. В роли первого актанта предиката *поедет* выступает движимый объект, *он*, в роли второго актанта – конечная точка движения, *Москва*. Первый актант предиката *в* – действие *поедет*, второй – точка во времени, *суббота*. Неузловой статус предлога во фразе *в Москву* не значит, что предлог здесь лишен значения, асемантичен. Он определяет семантическую роль данного актанта; ср. *Он уедет из Москвы*, где *из* тоже неузловой, но определяет другую роль актанта. Можно сказать, что эти неузловые знаки соответствуют стрелкам, идущим от предиката к актантам. Но среди неузловых есть и нефункциональные, избыточные знаки, например окончание винительного падежа в словоформах *Москву* и *субботу*.

Предлог *о* с винительным падежом реализует только одно, причем вполне определенное, значение. Поэтому исключена структура, где благодаря разной семантике совместимы две формально идентичные фразы (как в случае *в Москву в субботу*). Тем не менее фраза с этим предлогом может находиться внутри или вне актантной рамки глагола, то есть по отношению к глаголу быть или актантом, или сирконстантом. Входить в актантную рамку глагола данная фраза может только при условии, что глагол обозначает перемещение или соприкосновение. В таком случае предлог имеет неузловой статус, как видно из следующего графа:

Она оперлась (о) подоконник.

В этом примере контакт осуществляется между конститuentами *она* и *подоконник*. Если же глагол не обозначает перемещения или соприкосновения, он не выполняет условия включения фразы с данным предлогом в свою актантную рамку. Как правило, в такой позиции предлог является узловым. Вот пример:

Струйки зазвенели о ведро.

Чтобы присоединить сирконстант *о ведро* и создать связный граф, нужен дополнительный предикат, которым здесь служит предлог. Роль первого актанта предлога выполняет существительное *струйки*.

Приведенные выше примеры различаются еще в одном немаловажном отношении, а именно в том, обозначает первый актант человека или нет. Данный актант может быть оформлен как подлежащее или иметь другой облик. Иногда он вообще не выражен отдельным словом и даже невосстановим в форме слова. В матери-

але находим, например, следующую неопределенно-личную конструкцию: *...словно его самого били телом о землю*. Носителем значения агенса здесь служит узловая флексия глагола: [3.PL]. Подобный случай находим в упомянутом выше безличном обороте *Пассажиры могло расплющить о кабину*, где соответствующим носителем является узловая морфема [3.SG]. А встречающаяся в корпусе страдательная конструкция *...могли оказаться расплющенными...* вообще лишена эксплицитного носителя агенса.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Ниже покажем весь найденный в корпусе материал. Примеры разделим на четыре группы, от А до Г, по двум описанным выше критериям. Первичным критерием служит позиция предложной фразы внутри (А, Б) vs вне (В, Г) актантной рамки глагола. Вторичный критерий заключается в том, обозначает первый актант человека (А, В) или нет (Б, Г). После каждого глагола в скобках курсивом дается короткая информация о контексте. Так же, как в корпусе, члены видовых пар приводятся отдельно. Внутри каждой из четырех групп выделяем случаи с добавленными конститuentами. Речь идет о четырех актантах и трех сирконстантах. Первые обозначаются NOM, ACC, INS и PRP (PRepositional Phrase, предложная фраза с неузловым предлогом), вторые – [NOM], [DAT] и [INS]. Выявленные комбинации упорядочены по нарастающей сложности, от одночленных до трехчленных. После презентации следует раздел с замечаниями о добавленных конститuentах.

А: опереться (*о подоконник*), опираться (*о шапки*), облокотиться (*о стол; о косяк двери*), грянуть (*о землю*), удар (*о скалу; о солнце*), стукаться (*о правый борт*), тереться (*о его шею*), споткнуться (*о корень; о плужок; об упавшего человека*), спотыкаться (*о ту же корзину; то о рельс, то о бетонную чушку; о «порожки» партнеров; об эту преграду; о погребенную свою любовь*), запнуться (*о пустоту*). **А + ACC:** ударить (*палец о палец*), тереть (*ладошки о платье*). **А + INS:** ударить (*пальцем о палец; сапогом о сапог; шапкой об землю*), стучать (*костылем о землю*), задевать (*коленом о колено*), шлепать (*ладонями о раскрытые ладошки сыновей*). **А + [INS]:** опереться (*спиной о ствол / о стойку / о полы гранитной шинели; локтями о край стола / о бруствер; обоими локтями о стол; руками о толпу; затылком о земляную стену*), опираться (*одной рукой о бревно*), удариться (*головой обо что-то / о борт машины; грудью о солнце*), тереться (*носом о драповую спину; щекой о Гришкину ладонь; и брюхом и спиной об илистый песок*), шмякнуться (*всей тушей о землю*). **А + ACC + [INS]:** бить (*его телом о землю*).

Б: бить (*волны о берег*), биться (*муха / имель о стекло; что-то о землю; как рыба об лед*), потереться (*тигр о ножку шезлонга*), удариться (*дохлые поросята об пол; тело о другое тело; осколок о передний щиток*), ударяться (*вода о загнутый берег; градины о башлык, о плечи*), стучать (*нож о стенки корзины*), стукнуться (*яблоко о траву; мяч о газон*), тукнуть (*камень о дно*), задевать (*кусочки грибов на нитке о пол; опускающийся воздух о гладь воды*). **Б + [NOM]:** стучать (*яблоки / голые ветки друг о друга*), трение (*частиц друг о друга*). **Б + [INS]:** тереться (*медведи спиной о земную ось*). **Б + ACC + [NOM]:** тереть (*птенцы крылышки одно о другое*).

В: обжигаться (*о крапиву*), уколаться (*об острые локти*), исколоться (*об елки*), изрезаться (*о траву*), царапаться (*о сучки*). **В + ACC:** греть (*руки о стакан*), мыть (*руки о высокую траву*), вытереть (*ноги о коврик / об меня; ладонь о штаны; ладони о брюки; яблоко о траву / о широкие галифе*), вытирать (*ноги о швабру; свои кисти и мастихин о штаны; щеку о плечо*), вымочить (*колени и ладони о росу*), разбить (*костишки пальцев о стенку*), расшибить (*лоб о стену*), поцарапать (*лоб и щеку о борт грузовика*). **В + [NOM]:** жить / жизнь / прожить / идти / трудиться (*бок о бок*), спуститься (*рука об руку*). **В + [INS]:** звякать (*металлической пряжкой о ящик*), ожечься (*щекой о ее щеку*). **В + ACC + PRP:** счистить (*грязь с подошв о скребок*). **В + ACC + [DAT]:** разбить (*себе голову о стену*), разmozжить (*крякве голову о борт челнока*).

Г: жужжать (*какие-то струйки о железо*), зазвенеть (*струйки о ведро*), щелкнуть (*камень о камни берега*), чиркать (*как спички о коробку*), чиркнуть (*лодочка о дно*), почесаться / почесываться (*буйвол об орех*), разбиваться (*капли дождя о землю; волны о скалы; ветер об избы; все разговоры о простой факт; любая логика о железные аргументы*), ожечься (*осинник как бы о раскаленную полосу рябинника*). **Г + NOM:** расплющить (*люди о кабину*). **Г + ACC:** чесать / почесывать (*буйвол бока о грецкий орех / о кору ореха*), прочесывать (*буйвол шкуру об орех*), ломать (*ЭВМ зубы о задачи*).

ЗАМЕЧАНИЯ О ДОБАВЛЕННЫХ КОНСТИТУЭНТАХ

Второй актант глагола, оформленный как подлежащее в именительном падеже, то есть NOM, встречается в единственном имеющемся в материале страдательном обороте с глаголом *расплющить* (пример приведен выше). Соответствующий безличный оборот действительного залога попал бы в комбинацию Г + ACC.

Дополнение ACC наиболее богато представлено в группе В. Вот граф типичного примера:

Она грела руки о стакан.

В роли первого актанта предлога не обязательно выступает прямое дополнение, как показывает пример *Старик счистил о скребок грязь с подошв (своих неуместно желтых туфель)*. Вот семантический граф:

Старик счистил о скребок грязь (с) подошв.

Трехместный предикат *счистить* выражает перемещение (удаление), которое, однако, не затрагивает фразу *о скребок*. Впрочем, это единственный пример в материале, где представлен добавленный актант PRP.

Дополнение INS встречается только в группе А, а именно при глаголах *ударить*, *стучать*, *илепать* и *задевать*. Глагол *ударить* допускает винительный падеж, но творительный преобладает (в пропорции 1:3). Глаголы *стучать* и *задевать* могут быть и непереходными: *Нож стучал о стенки корзины. Задевает воздух о гладь воды*.

Сирконстант [NOM] представлен, как показано выше, в группе В выражениями *друг о друга* и *одно о другое*. Присутствие морфемы [NOM] в словоформах *друг* и *одно* устанавливается по аналогии с выражениями типа *рука об руку*. Покажем граф одного из примеров:

Стучали друг[NOM] (о) друга ветки.

Предикат [NOM] прикреплен к предложной фразе. Другими словами, необходимая связь с глаголом осуществляется не прямо, а опосредованно. В группе В предикат [NOM] имеет другую валентность:

жить бок[NOM] (о) бок

Словосочетание *бок о бок* никак не входит в актантную рамку глагола, хотя не исключены глаголы движения: *Идем несколько секунд бок о бок*. Тем не менее предлог здесь трактуется как узловой, так как данная предложная фраза входит в актантную рамку флексивного предиката [NOM]. Связь между этим предикатом и глаголом *жить* не может осуществляться опосредованно, через предложную фразу, поэтому [NOM] здесь стал трехместным. Вместо глагола *жить* роль третьего актанта предиката [NOM] может выполнять отвлеченное существительное *жизнь*, как показывает следующий граф:

жизнь, (прошедшая) бок[NOM] (о) бок

В этом случае непосредственной синтаксической связи между предикатом [NOM] и его третьим актантом нет. Словосочетание *бок о бок* является распространением узлового причастия *прошедшая*, которое, между прочим, в модели И. А. Мельчука соответствует лексической функции Func [4: 92]. Ср. эквивалентность предложений *Мы жили бок о бок* и *Наша жизнь проходила бок о бок*. Немного по-другому дело обстоит с примером *С ними я бок о бок прожил всю свою жизнь*; здесь существительное *жизнь* можно признать узловым; ср. *спать крепким сном / спать крепко*.

С предикатом [NOM] встречаются и другие предлоги: *Они живут душа в душу*. *Жена стояла рядом со мной локоть к локтю*. Употребление предиката [NOM] в группе В обусловлено повторением существительного. В противном случае в силу вступает [INS], как показывает следующий пример, где представлены оба предиката: *Полковник сидел нога на ногу боком к столу*. [INS], однако совместим и с повторением существительного: *лежать спиной к спине*.

Казалось бы, что фразы *бок о бок* и *рука об руку* имеют стативное значение и никакого направленного движения здесь нет. Однако сравнение с фразами типа *нога на ногу* наводит на мысль, что процессуальность предлога все-таки не полностью утрачена. Выражается состояние как результат предыдущего события. Охвачены два временных плана; ср. парафразу *Он сидел, положив одну ногу на другую*. Есть сходство с перфектным значением совершенного вида; возможна ведь эквивалентность между *Он умер* и *Он мертв*. В связи с этим интересно отметить еще одну эквивалентность: *Он стоял, опершись / опираясь о край стола*. Ср. двусмысленность предложения *Женщины наполнили комнату* (процесс / состояние).

Как указано выше, сирконстант [DAT] представлен только в двух примерах, оба из группы В. Покажем граф примера *Он разmozжил кровать голову о борт челнока*:

Он разmozжил к-е[DAT] г-у о борт ч-а[GEN].

Здесь значение принадлежности выражено двумя разными знаками, [DAT] и [GEN], в зависимости от их синтаксического контекста.

Сирконстант [INS], как правило, уточняет ориентацию передвигаемого объекта, а существительное в творительном падеже обычно обозначает часть тела. Но часть тела нередко обозначается и дополнениями ACC и INS. В примере

Он шел, легко задевая коленом о колено дополнение INS обозначает часть тела, и это существительное повторяется в предложной фразе. Может показаться, что имеем дело не с дополнением, а с сирконстантом. Но это не так: в названной ситуации *колено* и *он* совершают разные движения. Сирконстант [INS] «требуется», чтобы передвигался владетель тела вместе с частью тела.

Сирконстант [INS] преимущественно встречается в группе А. Вот граф типичного примера:

Он опирался спиной[INS] (о) ствол.

В отличие от двухместного предиката [NOM], предикат [INS] прикреплен к глаголу, то есть это распространение трактуется как обстоятельство образа действия. Однако один из двух найденных в группе В примеров имеет иную структуру. Она выглядит так:

Он звякал пряжкой[INS] о ящик.

В этом примере [INS] представляет собой трехместный предикат со значением «использовать». Актантами являются агенс, орудие и цель. (Анализ предполагает, что речь идет о преднамеренном действии.) Вообще поражает редкость этого предиката в нашем материале, но можно отметить, что «инструментальный» [INS] довольно обильно встречается, например, при глаголе *вытереть*, только с другой актантной рамкой: *Он вытер лицо / пот подолом рубашки*. Этот пример можно сравнить с имеющимся в нашем материале примером *Он вытер ладони о брюки*. Предметы *подол* и *брюки* имеют близкую функцию, чем и объясняется распределение предиката [INS].

Конечно, здесь происходит еще кое-что: есть невыраженные, имплицитные связи. В только что приведенном примере *пряжка* не только используется, но и перемещается; ср. пример *Обломанный нож стучал о стенки корзины*. Но [INS] не может быть носителем обоих значений. Аналогичным образом в примере *Он опирался спиной о ствол* надо выбирать, рассматривать ли распространение *спиной* как обстоятельство, как мы сделали выше, или как определение. Во всех случаях, когда существительное в творительном падеже обозначает часть тела, есть имплицитная связь между частью тела и человеком (или животным). Владетелем тела, как правило, является первый актант глагола, но иногда и второй, как в следующем примере с неопределенно-личным сказуемым: *Он вздрагивал, словно его самого били телом о землю*.

По поводу предложения *Она оперлась локтями о край стола* интересно отметить возможность образовать синонимичный глагол с инкорпорированным знаком *локоть*: *облокотиться*. Тогда функция предиката [INS] переносится на тот суффикс, при помощи которого образован глагол:

Она об<локот><и>лась (о) стол.

Для сравнения приведем другой пример с узловым суффиксом:

Она <утюж><и>т рубашку.

Эти два предиката <и>, конечно, не идентичны: во втором примере имеем дело с упомянутым выше трехместным предикатом, который в самой эксплицитной форме выражен глаголом *использовать*. Отметим попутно, что суффикс *-и-* в образованиях *солить* и *сушить* не узловый (см. [2: 63]), а тот же сегмент в глаголе *курить*, конечно, вообще языковым знаком не является. Приставка *о-/об-* в глаголах *опереться* и *облокотиться* повторяет значение не узлового предлога *о*. По-другому дело обстоит с глаголами *ожечься* и *обжигаться*, при которых предлог *о* узловой. Здесь приставка более или менее сохраняет первичное значение: *обжечь* ≈ *сжечь со всех сторон*.

Надо отметить, наконец, что есть альтернативный анализ выражений типа *жить бок о бок*. Так как предлог *о* здесь находится вне сферы действия глагола, он в принципе должен быть узловым; его первым актантом тогда будет *бок*, а флексию NOM надо признать не узловой. Такое решение влечет за собой и изменение анализа примера *Он сладко ожегся щекой о ее щеку*: [INS] превращается в INS. Но в группах А и Б, где предлог не узловой, предикаты [NOM] и [INS] все равно надо сохранить. Поэтому довольно естественно признать их присутствие и в группе В.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованный в этой работе метод представления семантических связей несовместим с некоторыми традиционными «истинами». Так, определение морфемы как минимальной значимой части слова [7: 242] как бы предполагает, что речь идет об элементарном языковом знаке. Это еще более очевидно из следующего немецкого определения:

«kleinste bedeutungstragende Elemente der Sprache, die als phonologisch-semantische Basiselemente nicht mehr in kleinere Elemente zerlegt werden können» [8: 448].

Проблема здесь в том, что план выражения и план содержания, то есть означающие и означаемые, при нашем подходе трактуются от-

дельно. Означающие распадаются на сегментные, несегментные и полностью имплицитные. Внутри сегментных различаем слова и морфемы, причем слово может состоять из одной или нескольких морфем. Вместо термина «состоять из» предпочитаем говорить об инкорпорации. Минимальность морфемы заключается в том, что в ее означающее не может быть инкорпорировано означающее другого сегментного знака. Но означаемые такой классификации не подвергаются. Все означаемые трактуются как атомарные, значит, между ними не может существовать отношения «состоять из». Например, означаемое морфемы *-локот-* не является компонентом означаемого слова *облокотиться*. Устанавливаемые при помощи графа означаемые распределяются по имеющимся в структуре означающим. Поэтому ту семантику, которой мы занимаемся, можно, пожалуй, назвать «распределительной». Далее: общепризнано разделение частей речи на знаменательные и служебные, причем к последним относятся именно предлоги; см., например, [5: 329] и [6: 21]. Правда, не совсем ясно, на какие критерии опирается данное противопоставление – синтаксические или семантические. Но семантический компонент несомненно присутствует; это очевидно из термина *знаменательный* (также: *полнозначный*) и из альтернативных терминов *автосемантический* и *синсемантический*. А. В. Исаченко характеризует «Synsemantika» как

«grammatische Hilfsmittel der Sprache, mit deren Hilfe verschiedene Relationen zwischen den eigentlichen Bedeutungsträger ausgedrückt werden» [9: 17].

Правда, намек на неуверенность находим в [8: 674], где «Synsemantikum» определяется как «Wort, das bei isoliertem Auftreten (angeblich) keine selbständige lexikalische Bedeutung trägt». Более современные анализы иногда трактуют предлоги как полноценные семантические единицы (см. [5]), в таком случае неудовлетворительны только все еще употребляющиеся термины.

Представляется, если есть семантическое ядро данной дихотомии, оно имеет сходство с нашим противопоставлением узловой / не узловой статус. Спасена ли ситуация, если учтем степень производности конструкций? Можно, конечно, считать, что предложения, относящиеся к группам В и Г, производные, что, например, за сказуемым *зазвенеть* скрывается имплицитное деепричастие: *Струйки зазвенели, ударившись о ведро*; в такой структуре предлог не узловой. Но вряд ли предлоги могут быть узловыми только в производных структурах. Из словосочетаний *погода в Москве* и *проживание в Москве* только второе, где предлог не узловой, надо признать производным. Разумеется, каждая часть речи, как

и каждый другой разряд языковых знаков, имеет свой синтаксический и семантический профиль, но картина гораздо более сложная, чем вытекает из традиционной дихотомии.

Не сомневаемся, что в нашей презентации некоторые примеры для читателя должны казаться неясными или странными; для полного понимания требовался бы более широкий, иногда очень широкий, контекст. Но вместо того, чтобы убирать такие примеры, мы решили показать все, без фильтров. Вполне признаем скудность материала. Было бы несложно и, конечно, желательно

увеличить число глаголов, при которых данная фраза служит распространением, а также обнаружить новые комбинации конститuentов и побольше случаев номинализации. Но вряд ли общая картина от этого изменилась бы. Для настоящего исследования также не имеет значения, что тексты, составляющие Уппсальский корпус, написаны от 30 до 60 лет назад. Заметим, наконец, что предлог *о* с предложным падежом тоже заслуживает анализа в рамках используемой здесь модели. Это описание обещает быть и более разнообразным, и более сложным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лённогрен Л. (ред.) Частотный словарь русского языка. Uppsala: Studia Slavica Upsaliensia 32, 1993. 188 с.
2. Лённогрен Л. Морфологическая производность // *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. С. 56–73.
3. Лённогрен Л. Размышления о валентности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.310
4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ⇔ Текст. М.: Наука, 1974. 314 с.
5. Сичинава Д. В. Предлоги // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III : Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 329–373.
6. Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.). Русская грамматика. М.: Русский язык, 1990. 639 с.
7. Энциклопедия «Русский язык». М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 703 с.
8. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner, 2002. 783 с.
9. Isačenko A. V. *Die russische Sprache der Gegenwart*. München: Max Hueber, 1968. 706 с.

Поступила в редакцию 16.12.2019

Lennart Lönngren, Professor Emeritus, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
lennart.lonnngren@gmail.com

THE RUSSIAN PREPOSITION *о* WITH THE ACCUSATIVE CASE: A VALENCY ANALYSIS

The main purpose of this investigation, which is carried out on a relatively small amount of corpus material, is to apply a special and little-known method of valency analysis. The basic unit for such analysis is a linguistic sign, and the semantic relations between signs are shown by means of graphs with their nodes occupied by predicates and actants. Prepositional phrases investigated here always occur with a verb (or a verb nominalisation) and can be located within or outside the actant frame of this verb. The first actant of the verb may or may not signify a human being. Based on these two distinctions, the material is divided into four parts. Some additional remarks concern optional constituents, complements as well as adjuncts. The article concludes with critical remarks on two traditional linguistic concepts: the definition of morpheme and the division of word classes into autosemantic and synsemantic ones.

Keywords: preposition *о*, valency, semantic graph, verbal actant frame, flecnal adjunct

Cite this article as: Lönngren L. The Russian preposition *о* with the accusative case: a valency analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467

REFERENCES

1. Lönngren L. (Ed.) A frequency dictionary of modern Russian. Uppsala, 1993. 188 p. (In Russ.)
2. Lönngren L. Morphological derivation. *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. P. 56–73. (In Russ.)
3. Lönngren L. Thoughts on valency. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 3 (180). P. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.310 (In Russ.)
4. Mel'chuk I. A. A study in the theory of the Meaning ⇔ Text linguistic models. Moscow, 1974. 314 p. (In Russ.)
5. Sichinava D. V. Prepositions. *Materials for a corpus-based description of Russian grammar*. St. Petersburg, 2018. P. 329–373. (In Russ.)
6. Shvedova N. Yu., Lopatin V. V. (Eds.) Russian grammar. Moscow, 1990. 639 p. (In Russ.)
7. Encyclopaedia of the Russian language. Moscow, 1997. 703 p. (In Russ.)
8. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, 2002. 783 p.
9. Isačenko A. V. *Die russische Sprache der Gegenwart*. München, 1968. 706 p.

Received: 16 December, 2019